

ВЪ МУЗЕѢ АЛЕКСАНДРА III¹.

[118]

Послѣ великолѣпнаго собранія Третьяковской галлерей художественный отдѣлъ русскаго музея императора Александра III можетъ показаться огромной картинной лавочкой: до такой степени безсистемно подобраны его коллекціи, до такой степени шокируютъ многія произведенія, которымъ совершенно не мѣсто въ серьезномъ собраніи, до такой степени страннымъ кажется отсутствіе или почти отсутствіе картинъ нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ современныхъ художниковъ. Достаточно сказать, что въ музеѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одной вещи Сомова, Малявина, Борисова-Мусатова (а какъ бы, казалось, необходимы пріобрѣтенія съ его посмертной выставки), что Врубель представленъ всего одной вещью. Даже такой общепризнанный художникъ, какъ Сѣровъ, представленъ болѣе чѣмъ скромно.

Правда, въ самые послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ музея сталъ гр. Д. И. Толстой, многія пріобрѣтенія его очень цѣнны и очевидно дѣлаются съ выборомъ.

Такъ, очень удачно пополняется коллекція старинныхъ мастеровъ. Совсѣмъ недавно пріобрѣтена такая драгоцѣнность, какъ портретъ Арсеньевой—Боровиковскаго, портретъ ген. Альбрехта—Кипренскаго, портреты Варгиныхъ — Аргунова.

Путемъ покупки и пожертвованій съ историко-художественной выставки портретовъ въ Таврическомъ дворцѣ пріобрѣтень цѣлый рядъ портретовъ Боровиковскаго, при чемъ такія превосходныя вещи, какъ портреты кн. Куракина, митрополита Михаила (изъ Невской лавры), Борщевскаго, Трощинскаго, Боровскаго, пріобрѣтены портреты Монахи-

¹ А. Ростиславов, «В музее Александра III», *Золотое руно*, 1906, № 11, 118-21.

[119]

на и графини Санти Левицкаго, портреты Рюминой и „Молодого человека” Кипренскаго, портреты Петра III и Екатерины II—Рокотова, три портрета Антропова.

Пополнена новыми приобретениями немногочисленная коллекция превосходных акварельных портретов А. П. Брюллова и П. Соколова. Поступили в музей: „Вдовушка” Федотова, очень мало до сих пор известная картина Перова „Убийство на большой дороге”, картина Саврасова „В лесу”, портрет Некрасова Ге, портреты Морозова и неоконченный последний д-ра Раухфуса Крамского, одна из первых работ Репина, курьезная картинка „Воздушный поцелуй”, в самое последнее время интересные образы Боровиковскаго из церкви Смоленскаго кладбища. Нельзя не одобрить также приобретений, к сожалению немногочисленных и не вполне систематических, и по части новейшей живописи, таких, напр., как очень ценная коллекция портретов членов Государственного Совета Репина, портрет Шаляпина Сѣрова, „Овраг” и 3 этюда Левитана, этюды Сурикова, „Заседание совета художников” Пастернака, хорошие вещи Кустодиева, Юона, как самые последние приобретения с прошлогодних выставок, отличная картина Лансере „Петербург в XVIII ст.”, картины Сѣрова, Грабаря, Кустодиева, Жуковскаго. Уже одно перечисление имен художников показывает всю дельность и ценность приобретений. Очевидно и в будущем, пока во главе администрации будет стоять лицо понимающее и сведущее, можно ожидать удачных пополнений, благодаря которым коллекция получит, наконец, определенную и художественную физиономию. Нельзя, впрочем, обольщать себя надеждой, чтобы приобретение такой физиономии было делом легким, даже вполне возможным.

Вся бѣда въ самомъ характерѣ возникновенія музея, въ характерѣ его основного фонда и многочисленныхъ пожертвованій, отъ которыхъ повидимому нельзя отказываться.

Какъ извѣстно изъ напечатаннаго отчета, изъ почти трехъ тысячъ картинъ и художественныхъ произведеній приобрѣтены музеемъ съ самаго его основанія только 36. Все остальное поступило или изъ Эрмитажа (636 номеровъ) или изъ академіи художествъ (274), или изъ дворцовъ или отъ частныхъ коллекціонеровъ и жертвователей. Такимъ образомъ а ргіогі уже понятно, что здѣсь не могло составитья что-нибудь цѣльное, что-нибудь широко объединенное сознательнымъ и разумнымъ выборомъ.

Еще въ нижнихъ залахъ можно прослѣдить исторію нашей живописи съ ея возникновенія, съ Матвѣева до Брюлловскаго періода. Крупнѣйшіе художники, за исключеніемъ Рокотова и Левицкаго, представлены довольно ярко, хотя бы напр., Боровиковскій среди довольно многочисленныхъ работъ такими шедеврами, какъ портреты гр. Васильева и Арсеньевой, Кипренскій— знаменитыми портретами Давыдова, Швальбе, Венеціановъ—такой характерной и прекрасной вещью, какъ „Утро помѣщицы”, пейзажисты Щедринъ и Воробьевъ. Полно представленъ и К. Брюлловъ, но только знаменитой „Помпеей” и нѣкоторыми крупными портретами, также и Бруни, кромѣ „Мѣднаго змѣя”, такой характерной вещью, какъ „Вакханка”. Зато живопись послѣ Брюлловскаго періода до нашихъ дней представлена прямо жалко. Здѣсь преобладаютъ картины, переданныя изъ музея академіи художествъ, т.-е. тотъ балластъ въ русской живописи, который такъ охотно приобрѣтался въ старину на академическихъ выставкахъ престарѣлыми дореформенными профессорами. Немногочисленные произведенія характерныхъ художниковъ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ тонуть среди назойливо лѣзущихъ въ глаза „академическихъ” картинъ въ большинствѣ еще здравствующихъ гг. В.П. Верещагина, Венига, Якобія, Виллевалде, Риццони, Клевера, Грузинскаго, Дмитріева-Оренбургскаго, Новоскольцева, Крачковскаго,

Крыжицкаго, Бодаревскаго, Богданова-Бѣльскаго, Тимоненко, даже Кондратенко, Галкина, Липгарта, Боброва, Пелевина и проч. Часть этихъ безцвѣтныхъ эпигоновъ могла бы быть терпима и въ музеѣ, отнюдь конечно не играя доминирующей роли, какъ способствующій историческому выясненію антуражъ для современныхъ имъ характерныхъ художниковъ, подобно тому, какъ въ низшихъ залахъ не кажутся шокирующими безцвѣтные Басйны, Егоровы, Шебуевы, Шамшины и проч., можетъ быть особенно отгѣняющіе прелесть и значеніе Боровиковскаго, Кипренскаго, Венеціанова. Въ настоящее время собранія верхнихъ залъ могутъ дать только превратное представленіе о русской живописи второй половины XIX, начала XX ст.

А между тѣмъ популярность музея все растетъ. Онъ гостепріимно открытъ даже и въ лѣтніе мѣсяцы, 307 дней въ году, какъ, если не ошибаюсь, ни одинъ изъ нашихъ музеевъ. Число ежегодныхъ посѣтителей его возросло къ 1905 г. съ 130 тысячъ до 170. Чего добраго, публика дѣйствительно жаждетъ здѣсь „поучиться”. И вотъ какъ администрація музея старается ей помочь. Кромѣ извѣстнаго очень хорошаго, но, конечно, совершенно недоступнаго по цѣнѣ изданія съ текстомъ бар. Врангеля и полного и сокращеннаго иллюстрированныхъ каталоговъ, при входѣ еще

[120]

иродается дешевый каталогъ, съ объясненіями, составленными для народа г-жей О. Кулибиной. Объясненія, почти нсключительно историческаго характера, можетъ быть и не лишни для простого человѣка. Но въдь „умысль другой тутъ былъ”, и въ эстетическомъ смыслѣ такой каталогъ съ его безразличными поясненіями и настоящихъ картинъ и ничтожныхъ, хотя иногда и громадныхъ полотень, можетъ внести только сумбуръ. Что касается до продающейся здѣсь же книжки А. В. Половцева „Прогулка по русскому музею имп. Александра III”, то, претендуя быть „подспорьемъ” уже въ эстетическомъ смыслѣ, она не

выдерживает никакой критики вследствие полной некомпетентности нашего автора и может быть признана только зловредной. Достаточно сказать, что, расшаркиваясь не только перед К. Маковским и Семирадским, а даже перед В. П. Верещагиным и г. Богдановым-Бѣльским, сочиняя цѣлую главу о какой-то скульптурной поэзии съ „кишащими амурчиками”, авторъ ни слова не говорит о картинѣ Эдельфельдта, о „Переходѣ Суворова” Сурикова, о Сѣровѣ, Нестеровѣ, Левитанѣ.

Впрочемъ, пожалуй эта книжка вполне гармонируетъ съ характеромъ нашего музея, съ его безпорядочно приобретенными и безпорядочно размѣщенными картинами. Казалось бы, прямая обязанность администраціи музея, разъ уже дѣло идетъ о воспитаніи и поученіи публики,—озаботиться строжайшимъ размѣщеніемъ картинъ, чтобы отдѣлить школы, выдѣлить наиболѣе характерное, помѣщая совершенно отдѣльно крупныхъ художниковъ, и такимъ образомъ даже при наличныхъ средствахъ хоть намѣтить этапы движенія русской живописи. Вѣдь музей—не картинная лавочка. Какъ бы не отдѣлить, напр., передвижниковъ отъ „академиковъ” съ ихъ современными эпигонами, не выдѣлить хотя бы въ большинствѣ и слабо представленныхъ выдающихся корифеевъ тѣхъ и другихъ? Посмотрите, напр., какой сумбуръ во всѣхъ залахъ начиная съ XXXI по XXXVI, гдѣ Ге, Крамской, Перовъ, Саврасовъ, Шишкинъ, Прянишниковъ, В. Васнецовъ, даже Айвазовскій, К. Маковскій, Бакаловичъ безпорядочно разбросаны среди нерѣдко прямо убивающихъ ихъ размѣрами В. П. Верещагиныхъ, Литовченко, Якобіевъ, Киселевыхъ, Кондратенковъ, Бодаревскихъ и пр., среди прямо уже хлама, нерѣдко занимающаго лучшія мѣста. Можетъ быть, и надо было помѣстить отдѣльно огромныя картины въ огромныхъ залахъ XXIV и XXV, но не курьезно ли рядомъ съ знаменитыми („Послѣдній день Помпеи”, „Запорожцы”, „Николай

Чудотворецъ”, „Ермакъ”, „Тайная вечеря”) и во всякомъ случаѣ характерными и „музейными” вещами не только Брюллова, Рѣпина, Сурикова, Ге, а и Семирадскаго, Полѣнова, К. Маковскаго, Айвазовскаго помѣщать недавно вѣдь для чего-то приобрѣтенную „Оргію” г-на Котарбинскаго, типичнаго художника трактирныхъ плафоновъ, или сомнительные и во всякомъ случаѣ столь здѣсь неподходящіе холсты г-на Борисова?

Огромнымъ и—увы!—непоправимымъ пятномъ является огромная послѣдняя коллекція картинъ В. В. Верещагина, такъ цѣликомъ поступившая въ музей (кстати, неужели и картины наполеоновскаго цикла, вотъ уже который годъ „временно” выставленныя, тоже поступятъ въ собственность музея?).

Что подумаетъ „народъ”, о которомъ хлопчутъ г-жа Кулибина и администрація музея, увидавъ, что такъ выбѣленъ, такъ „превознесенъ и прославленъ” художникъ, въ послѣдніе годы по своей живописи подошедшій къ образцамъ дѣйствительно понятной народу суздальской лубочной живописи? Безспорно, В. В. Верещагинъ, отнюдь, конечно, не какъ „великій”, а какъ характерный, своеобразный художникъ, долженъ быть представленъ въ музеѣ, но непремѣнно сжато, характерными его вещами, каковыми во всей коллекціи являются развѣ только китайскіе и японскіе этюды. До какой степени гнетутъ, удручаютъ, не давая, конечно, представленія о лучшей порѣ дѣятельности художника, безчисленные поистинѣ лубочныя головки-этюды и портреты, черные, грубые пейзажи, грубо дѣланныя картины, въ родѣ жалкаго триптиха „Въ госпиталѣ” и проч.! Ужъ если эта коллекція—необходимое зло, такъ ясно же, что ее необходимо отправить „въ глушь, въ Саратовъ”, въ полутемныя залы нижняго этажа. Администрація музея помѣстила ее, наоборотъ, весьма коварно не только на очень видномъ мѣстѣ, но между двумя залами, гдѣ собраны прекрасныя вещи нѣкоторыхъ современныхъ художниковъ—Сѣрова, Эдельфельдта, Рѣпина, Левитана, А. и В. Васнецовыхъ, Е. Полѣновой, Рериха,

Рябушкина, Пастернака и др. Может быть, она этимъ соствдствомъ хотѣла подчеркнуть, что значить настоящее современное мастерство по сравненію съ той совершенно анти-художественной стряпней, до какой дошелъ покойный художникъ, всегда нѣсколько беззаботный насчетъ сущности живописи. Но и въ этихъ двухъ единственныхъ наверху залахъ, гдѣ, какъ говорится, отдыхаешь душой, наталкиваешься на удивительные странности и курьезы. Право, нужно быть слишкомъ неосвѣдомленнымъ въ движеніи современной живописи, чтобы рядомъ съ такими художниками, какъ Рѣпинъ, Сѣровъ, Эдельфельдтъ, Левитанъ, Е. Полѣнова,

[121]

бр. Васнецовы или молодые художники Рерихъ, Грабаръ, Пастернакъ, Кустодіевъ, Бразъ, помѣщать Борисова, Богданова-Бѣльскаго, В. Маковского, Касаткина и особенно кисло-сладкаго Лемоха, художниковъ, помимо ихъ достоинствъ и недостатковъ, принадлежащихъ къ совершенно вѣдь иной полостѣ русской живописи, или въ одной изъ низшихъ залъ акварелей, пожертвованныхъ кн. Тенишевой, прелестныя вещи Врубеля, Лансере, А. Бенуа, Якунчиковой, Сѣрова, финляндскихъ художниковъ „оттѣнить” издѣліями гг. Каразина, Боброва и Егорнова. У всякаго понимающаго посѣтителя послѣ прогулки по заламъ музея остается какое-то прѣсное досадливое чувство. Какъ будто на богато сервированномъ столѣ проглотилъ обѣдъ, гдѣ большая часть кушаній оказалась изъ несвѣжей провизіи. Очевидно, музей долженъ и основательно почиститься и озаботиться серьезнымъ размѣщеніемъ коллекцій. Особенно, конечно, необходимы многочисленныя крупныя и характерныя пріобрѣтенія, мнѣ думается, въ областяхъ старой и главнымъ образомъ новѣйшей живописи, ибо живопись 60, 70 и 80-ыхъ годовъ трудно представить полнѣе, чѣмъ она представлена въ Третьяковской галлерей. Интереснѣйшая и яркая полоса въ исторіи нашей живописи, окрещенная общимъ именемъ

декадентства, уже понемногу отходящая въ область исторіи, пока по крайней мѣрѣ нигдѣ не представлена характерными образцами, а между тѣмъ сдѣлать это необходимо и какъ можно скорѣй. Вѣдь это удивительно и глубоко печально, что до сихъ поръ нигдѣ не собраны коллекціи вещей такихъ вполне уже опредѣлившихся художниковъ, какъ, напр., Врубель и Сомовъ, да и многіе другіе художники „Міра искусства”. Время легко можетъ быть упущено, особенно теперь, когда, благодаря успѣху нашихъ художниковъ въ Парижѣ, для нихъ, весьма возможно, широко откроется заграничный рынокъ. Некультурность наша слишкомъ велика, у насъ все еще отпускаются слишкомъ ничтожныя средства на „художество”, намъ все еще чуждо чувство громадной ответственности, какую принимаютъ на себя составители галлерей, у насъ все еще лица совершенно не компетентныя считаютъ себя въ правѣ „жертвовать”, истинными собирателями все еще являются частныя лица Третьяковы, Дягилевы. Но пора же, наконецъ, приняться за дѣло какъ слѣдуетъ, не по чиновнически, и общественнымъ учрежденіямъ. Такое учрежденіе, какъ музей Александра III, обладая крупными средствами (хотя, по послѣднему отчету, почти изъ 166—тысячнаго бюджета на пріобрѣтеніе художественныхъ произведеній тратится только 30 тысячъ) можетъ и обязано многое сдѣлать для русскаго искусства, въ особенности для новѣйшаго, и какъ бы продолжить великое дѣло Третьякова.

А. Ростиславовъ